

- Константинов М.В.** Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Б.и., 1994. – 179 с.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1995. – 43 с.
- Кузнецова В.Н.** Петрографический анализ артефактов стоянки Хотык // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 37 – 40.
- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В.** Перспективы исследования геоархеологического объекта Засушино (Восточное Прибайкалье) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001а. – С. 225 – 229.
- Лбова Л.В.** Палеолит предгорных районов Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001б. – 53 с.
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Савинова В.В., Дергачева М.И., Васькович Н.В., Перевалов А.В., Резанова В.П., Калмыков Н.П.** Изменения природной среды и климата в позднем плейстоцене и голоцене в центральной зоне Западного Забайкалья (по данным геоархеологических объектов Онинского комплекса) // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2000. – Вып. 2. – С. 288 – 301.
- Лбова Л.В., Савинова В.В., Васькович Н.В.** Биостратиграфический контекст отложений Хотыкского комплекса // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. междунар. симпози. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 45 – 47.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А.** Классификация культуросодержащих отложений // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 45 – 55.
- Медведев Г.И., Скляревский М.Я.** Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой коррозией обработанных поверхностей // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: ИГУ, 1982. – С. 41 – 43.
- Нехорошев П.Е.** Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: ИИМК, 1999. – 47 с.
- Оводов Н.Д.** Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина Гора в Западном Забайкалье // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1987. – С. 122 – 140.
- Окладников А.П.** Палеолит Забайкалья: Общий очерк // Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бургиз, 1959. – № 1. – С. 5 – 26.
- Окладников А.П.** Палеолит Центральной Азии: Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 459 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В.** Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. – М.: Наука, 1964. – 336 с. – (ТГИН; Вып. 105).
- Резанов И.Н.** Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 37 – 68.
- Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Перевалов А.В., Резанова В.П.** Геология, геоморфология и хроностратиграфия Онинского геоархеологического района // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 8 – 17.
- Рыбин Е.П.** Начало верхнего палеолита на территории Южной Сибири (по материалам памятников кара-бумовского пласта): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 22 с.
- Савинова В.В.** Палинологические характеристики геоархеологических объектов Онинского района // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 49 – 50.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 299 с.
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири (к XIII конгрессу ИНКВА).** – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. – 165 с.
- Ташак В.И.** Палеолит и мезолит юга Бурятии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1996. – 23 с.
- Ташак В.И.** Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 25 – 29.
- Шуныков М.В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.
- Boeda E.** Le concept levallois et evolution de son camp d'application // L'Homme de Neandertal. – Liège: Université de Liège, 1988. – Vol. 3. – P. 13 – 59. – (Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège; N 31).
- Escatenaire-Sitlivy C., Sitlivy V.** Variabilité des technologies laminaires avant le Paléolithique supérieur classique dans la région du lac Baïkal (Sibérie, Russie): Etude complete du materiel, analyses comparatives avec l'Europe occidentale // Prehistoire Européenne. – 1996. – Vol. 8. – P. 49 – 96.
- Germonpre M., Lbova L.** Mammalian remains from the Upper Paleolithic site of Kamenka (Buryatia – Siberia) // Journal of Archaeological Science. – 1996. – N 23. – P. 35 – 57.
- Lejeune M.** L'art mobilier paleolithique et mesolithique en Belgique. – Liege: Editions du C.E.D.A., – 1987. – 82 p.
- Van-Peer Ph.** The Levallois Reduction Strategy. – Madison: Prehistory Press, 1992. – 137 p. – (Monographs in World Archaeology; N 13).

Материал поступил в редколлегию 19.11.2001 г.

УДК 903.53

В.Д. Кубарев¹, Д. Цэвээндорж²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su

²Институт истории АН Монголии
ул. Шуудангийнслбар, 19, Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: dtseveen@yahoo.com

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ МЕМОРИАЛЫ АЛТАЯ

Введение

В 1969 г. была создана Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция (СМИКЭ)*, которая с небольшими перерывами работает на территории Монголии до сегодняшнего дня. Судя по опубликованным результатам работ экспедиции, монгольская часть Алтая, самая высокогорная и отдаленная в республике (рис. 1), остается настоящим археологическим заповедником. Здесь наряду с многочисленными древнейшими памятниками (палеолитические местонахождения, петроглифы, оленные камни и керексуры) широко распространены курганы ранних и средневековых кочевников, а также древнетюркские мемориальные комплексы. Только на территории двух аймаков, граничащих с Россией и Китаем, по нашим сведениям, сосредоточено более 200 каменных изваяний древних тюрков. Многие монументы в мемориалах пострадали, не выдержав испытание временем, но в глухих малодоступных горных ущельях (рис. 2) они сохранились практически в первозданном виде (рис. 3, 4). Любой исследователь понимает, что именно такие памятники представляют большой научный интерес и перспективны для получения новых данных по древней истории народов Центральной Азии. К сожалению, до сих пор нет единого монографического исследования каменных изваяний Монголии, хотя первые краткие сведения о них были опубликованы еще в прошлом веке [Потанин, 1881, с. 72 – 73, рис. 34; Granö, 1910, S. 29 – 30, Taf. XIII, XIV и т.д.].

* В 1995 г. переименована в Российско-Монголо-Американскую экспедицию.

В последние два десятилетия появился ряд интересных книг, статей и сообщений, посвященных каменным изваяниям и мемориальным памятникам Монголии. Так, по материалам СМИКЭ 1979 – 1982 гг. Ю.С. Худяковым написана статья, в которой классифицированы рядовые тюркские оградки Монголии [1985]. Им же в соавторстве с Ю.А. Плотноковым опубликованы результаты исследований (1986 – 1987 гг.) древнетюркских мемориальных памятников у северных отрогов хребтов Хан-Хухий и Тогтохын-Шил [1990].

Большой резонанс в научном мире получила монография В.Е. Войтова [1996], в которой подведен итог многолетним исследованиям “каганско-княжеских” мемориалов Монголии. В книге, надо отдать должное автору, собраны воедино, упорядочены и интерпретированы многочисленные новые данные. В.Е. Войтовым учтено, обследовано и изучено 87 памятников, материалы которых представляют собой серьезный вклад в древнетюркскую археологию Центральной Азии.

Из монгольских коллег необходимо отметить Д. Баяра, последовательно и целенаправленно занимающегося изучением монументальных средневековых памятников [Байэр, 1994; Баяр, 1997; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]. Нельзя не сказать и о публикации краеведов Т. Бямбадоржа и Ч. Амартушвина, в которой представлены 90 каменных фигур из Увсунурского аймака [1998]. Крупным достижением в области исторической науки является издание монгольскими коллегами своеобразной энциклопедии древних памятников, где значительное место отведено произведениям монументального искусства – оленным камням и каменным изваяниям тюрко-мон-

Рис. 1. Горные вершины буддийской святыни Табын-Богдо-Ула. Монгольский Алтай.

Рис. 2. Правый берег р. Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай), где открыт неизвестный ранее древнетюркский комплекс с изваяниями (см. рис. 3, 4).

гольского времени [Монгол нутаг..., 1999]. По содержанию и прекрасному оформлению она не уступает другой обобщающей книге о древностях Монголии, изданной в Германии почти 20 лет назад [Novgorodova, 1980].

Японский ученый Тосио Хаяси, впервые опубликовал сводную работу о тюркских изваяниях Монголии, в которой он приводит сведения о 330 памятниках [1996].

В сводной работе китайских археологов Ван Бо и Ци Сяошаня о каменных изваяниях Синьцзяна и Внутренней Монголии [1996] также представлены отдельные группы древнетюркских изваяний Монголии, Алтая, Тывы и Семиречья.

Вторая Российско-Монголо-Американская экспедиция, организованная в 1993 г. (проект "Алтай"), продолжает исследования в Монгольском Алтае. Глав-

Рис. 3. Изваяние 1. Цагаан-Салаа. Монгольский Алтай.

Рис. 4. Изваяние 4. Цагаан-Салаа. Монгольский Алтай.

Рис. 5. Изваяние в долине р. Сагсай.
Монгольский Алтай.

Рис. 7. Изваяние 1. Их-Тургний-Гол.
Монгольский Алтай.

Рис. 6. Изваяние в долине р. Могой.
Монгольский Алтай.

Рис. 8. Изваяние 3. Их-Тургний-Гол.
Монгольский Алтай.

Рис. 9. Изваяние 1. Шар-Булак.
Монгольский Алтай.

Рис. 10. Изваяние у оз. Даян-Нуур.
Монгольский Алтай.

Рис. 11. Изваяния у тюркских оградок.
Южный берег оз. Хурган-Нуур. Монгольский Алтай.

Рис. 12. Изваяние 1. Южный берег оз. Хурган-Нуур.
Монгольский Алтай.

Рис. 13. Изваяние в долине р. Могой.
Монгольский Алтай.

Рис. 15. Изваяние в долине р. Хар-Ямаатын.
Монгольский Алтай.

Рис. 14. Изваяние 2. Арал-Толгой.
Монгольский Алтай.

ной целью ее работ является всестороннее изучение древних петроглифов региона. Но в результате открытия неизвестных ранее памятников древнетюркской культуры появилось несколько лаконичных сообщений [Кубарев В.Д., 1995, 1996; Кубарев В.Д., Якобсон, Цэвээндорж, 1994; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 1995, 1998] и ряд специальных работ [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 1995, 2000; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999; Kubarev V.D., Zevendorz, 1997].

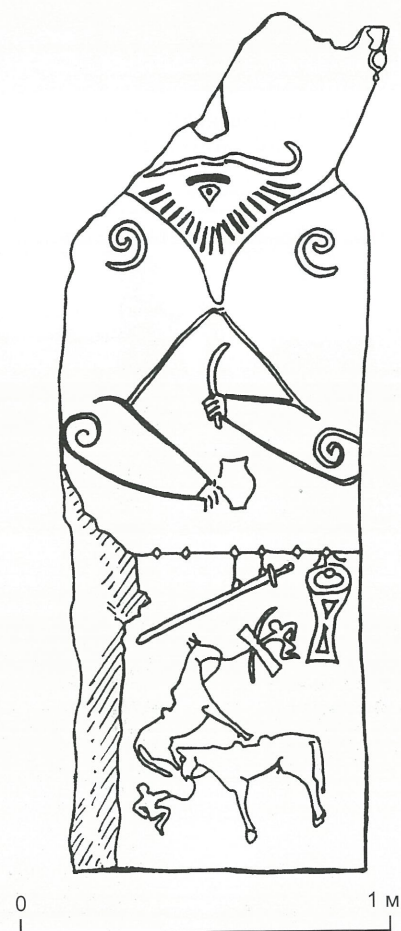

Рис. 16. Прорисовка реальных и сцен
“коленопреклонения” на изваянии в долине
р. Хар-Ямаатын. Монгольский Алтай.

Рис. 17. Мемориал знатного тюрка в местности Сыргаль. Монгольский Алтай.

В Монгольском Алтае экспедицией открыты и обследованы более 200 мемориальных памятников (в их числе 49 каменных изваяний) знатных и рядовых представителей кочевого населения древнетюркской эпохи VI – VIII вв. (рис. 4 – 17).

Появление новых материалов и публикаций дает возможность вновь вернуться к дискуссионным вопросам о происхождении и назначении поминальных сооружений древних тюрков. Некоторые положения, реконструкции и выводы одного из авторов, введенные в научный оборот 17 лет назад (см. гл. “Поминальные сооружения” в сводной монографии о древнетюркских изваяниях Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 41 – 81]), в настоящее время подверглись критике и требуют коррекции и новых контраргументов. Прежде всего это касается интерпретации таких главных элементов тюркских мемориалов, как “памятный столб”, дерево и балбалы, а также датирования отдельных памятников Монголии и Алтая.

Типология и хронология

Предложенная В.Д. Кубаревым классификация алтайских поминальных оградок (выделено пять основных типов на основе анализа 116 раскопанных объектов) принята многими исследователями [Васютин, Елин, 1983; Савинов, 1984, с. 69 – 70; Мамадаков, 1994, с. 59; Соёнов, Эбель, 1997, с. 115; Могильников, 1992, с. 187; Илюшин, Сулейменов, 1997, с. 96; и др.]. Она, как оказалось, применима и для других синхронных памятников подобного рода, исследованных на со-

предельных с Алтаем территориях [Овчинникова, Федорова, 1992, с. 83; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 120 – 124; Костюков, 1994, с. 150; Боталов, 1996, с. 225; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999, с. 170; и т.д.]. И это понятно, так как Алтай – прародина тюрков и его население постоянно находилось в сфере политического влияния всех каганатов. Вместе с тем труднодоступная горная страна в центре Азии была резерватом и северной провинцией в рамках тюркских государственных объединений. Эта этногеографическая особенность и определяет как своеобразие алтайских погребально-поминальных комплексов, так и их сходство с тывинскими и монгольскими памятниками. Однако некоторыми учеными предложены свои классификации, не учитывающие типологические и хронологические схемы, разработанные их предшественниками.

В.Е. Войтов, критически рассмотрев нашу типологию (хотя в своей работе он часто вынужден на нее опираться), разработал свой вариант [1996, с. 25], взяв за основу методические принципы Б.Я. Владимирцова и Ю.С. Худякова. Однако классификация В.Е. Войтова охватывает в основном “княжеские” мемориальные памятники Монголии, тогда как наша типология предложена для рядовых поминальных оградок Алтая. Ее недостатки вполне очевидны, о чем В.Д. Кубарев писал еще в начале работы над ней [1979б, с. 150]. В то время мы располагали довольно ограниченным объемом сведений о тюркских оградках, который сейчас значительно пополнился. Только на Российском Алтае за последние 20 лет раскопано более

130 памятников. Как и следовало ожидать, некоторые из них “не могут быть отнесены ни к одному из типов древнетюркских оградок, выделенных А.А. Гавриловой и В.Д. Кубаревым” [Неверов, Горбунов, 1995, с. 170], а сама классификация не является безупречной [Могильников, 1992, с. 197] и требует “дополнительных исследований и корректировки” [Григорьев, Загородный, 1995, с. 178].

Известно, что любая классификация строится на сходстве и различии конструктивных особенностей однокультурных памятников и должна быть подчинена выявлению общих закономерностей и вариаций внутри одной группы. Но всякая типология является достаточно грубым инструментом, не всегда позволяющим улавливать все нюансы и даже существенные признаки, характеризующие древнетюркские мемориалы. Каждый из них (от сложных сооружений знати до оградки рядового кочевника) при сходстве основных элементов все-таки имеет и свои индивидуальные черты, отражающие локальные, временные, социальные и половозрастные особенности в традициях поминального обряда древних тюрков Центральной Азии. При классификации памятников необходимо учитывать сохранность всех частей комплекса. Некоторые исследователи выделяют в отдельную группу памятники, которые включают “комплексы без стел и балбалов. Такие объекты свидетельствуют о том, что по каким-либо причинам (например, если умерший не убил за свою жизнь ни одного врага, ему не ставили балбалы) обряд не был совершен полностью” [Худяков, 1985, с. 181]. Или читаем: “Могилы (оградки. – **Авт.**) без балбалов, вероятно, содержали пепел женщин и детей: они многочисленнее мужских могил. Это вполне понятно, если учесть, что при поражении увести труп павшего товарища очень трудно и далеко не все мужчины-воины попадали после смерти на приготовленные для них оградки” [Гумилев, 1959, с. 112]. Вряд ли можно согласиться с такими выводами и тем более с такой интерпретацией, потому что объекты, находившиеся вне оградок, – изваяния, стелы, балбалы, каменные выкладки и т.п. – могли быть утрачены сразу же после их установки или уже в наше время (преднамеренное разрушение, вывоз и перемещение изваяний и т.п.).

Попытка В.Е. Войтова пересмотреть хронологическую последовательность сооружения четырех оградок в комплексе Дьер-Тебе (Восточный Алтай) [1996, с. 70] представляется нам не состоятельной. Предложенные им даты (VI – VII и VII – VIII вв.) не могут быть приняты не только из-за большого хронологического разрыва, но и потому, что все сооружения объединяет такой элемент данного (семейного?) мемориала, как наличие корневищ деревьев во всех четырех оградках. Эта (этнографическая?) особенность, впервые отмеченная в поминальных сооружениях тюрков-тутю, остается пока единственным и важным источником для реконструкции

еще одной разновидности поминального обряда, бытовавшего у населения Восточного Алтая в середине X в.

Типология алтайских оградок может быть пересмотрена и дополнена с учетом новейших данных. К примеру, ограда в Ян-Гобо на Российском Алтае (рис. 18), ранее отнесенная нами к поминальным сооружениям тюркской знати, может быть выделена в отдельный тип*. Здесь соблюдены основные принципы планиграфии древнетюркских культово-поминальных мемориалов: ограда, ориентированная сторонами по странам света, изваяние (в данном случае его замещал оленный камень), ряд балбалов в восточном направлении. Но конструкция ограды (47 массивных плит), ее большие размеры (13,5 × 13,5 м), отсутствие вала и рва и необычное сооружение в виде прямоугольного каменного ящика в центре не характерны для мемориалов знати и, конечно же, для тюркских малых оградок. Уже в первой публикации мы обращали внимание на уникальность этого памятника, до сих пор остающегося единственным в своем роде на Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 53 – 55, с. 218, табл. XXXIX]. Исследования С.Г. Кляшторного и В.Е. Войтова Бугутского храмового комплекса в Монголии в определенной степени прояснили вопрос о назначении и времени сооружения ограды в Ян-Гобо. Безусловно, заслуживает внимания наблюдение В.Е. Войтова, отметившего явные совпадения в планиграфии, конструктивных элементах и составе находок двух памятников [1996, с. 68 – 70]. Характерные особенности сооружений, отсутствие изваяний в мемориалах резко выделяют их из основной массы тюркских поминальных памятников Центральной Азии. Первая согдийская надпись на Бугутской стеле, посвященная памяти кагана Таспара, позволила считать комплекс самым древним датированным мемориальным памятником Монголии [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 121].

Рассматривая нашу периодизацию алтайских оградок, В.Е. Войтов делает замечание: “Первые сведения об оградке юстыдского типа на Алтае... сообщены Л.Н. Гумилевым” [1996, с. 24]. Действительно, ученый упоминает о единственной оградке в долине р. Улагана, расположенной выше аила Тушагар. Но Л.Н. Гумилев визуально определил ее как “тюркютскую могилу” [1959, с. 110]. Погребением он считал и “третий вариант квадратной могилы с каменными обелисками” (обследована им на правом берегу Улагана) [Там же]. На самом деле это были три смежные прямоугольные оградки с центральными стелами в них. Мы осматривали описанный ритуальный объект до раскопок и после его исследования А.М. Илюшиным и М.Г. Сулейменовым [1997, с. 95, 100, рис. 4].

* Пока воздержимся от этого, потому что памятник остается единственным на Алтае.

Как и следовало ожидать, никаких новых материалов не получено. По мнению многих археологов, указанный тип монументальных памятников относится к поздней бронзе или даже к раннему железному веку. В центре другой оградки (сооруженной из четырех массивных плит), открытой Л.Н. Гумилевым и упомянутой В.Е. Войтовым, при раскопках найдено 13 железных предметов. Исследователи датировали этот памятник по находкам из него IX – X вв. и совершенно справедливо отнесли оградку к уландрыкскому типу [Илюшин, Сулейменов, 1997, с. 96, 102, рис. 6]. Поэтому замечание В.Е. Войтова мы можем принять с вышеизложенными комментариями, а относительно определения Л.Н. Гумилевым этнической принадлежности памятников – “телёсам” (*толосам*), не подкрепленного археолого-этнографическими данными, следует присоединиться к мнению Л.П. Потапова: “Его (Л.Н. Гумилева. – Авт.) инициатива привлечь к рассмотрению проблемы археологический материал не увенчалась успехом в силу недостаточной компетенции автора в археологии” [1987, с. 55].

Четыре оградки юстыдского типа обследованы нами в 1998 г. на южном берегу оз. Хурган-Нуур (Монгольский Алтай). Они, как и оградки на р. Юстыде (рис. 19), сооружены из четырех массивных плит, поставленных на ребро, и имеют небольшие размеры: 1) $1,5 \times 1,5$ м; 2) $2,8 \times 2,8$ м; 3) $2,9 \times 2,8$ м; 4) $2,5 \times 2,5$ м. С восточной стороны оградок четыре небольших изваяния и четыре ряда поваленных балбалов (не более 10 камней в каждом). Внутри оградок нет каменного заполнения (то же самое наблюдается и в юстыдских памятниках Алтая), а на одной из плит снаружи слабыми штрихами нанесен рисунок в виде “ромбической сетки”. Аналогичный геометрический орнамент особенно характерен для значительной части “княжеских” мемориальных памятников Монголии [Novgorodova, 1980, Abb. 203; Войтов, 1986, с. 77, рис. 3, 2]. Известен он и на Российском Алтае – на одной из плит оградки в степи Макажан [Кубарев В.Д., 1984, с. 209, табл. XXX, 3]. В.Е. Войтов видит в орнаментах, украшавших плиты “каменных ящиков”, отлитые знаки, которые «указывают

Рис. 18. Раннетюркский мемориал в Ян-Гобо. Российский Алтай.

Рис. 19. Древнетюркская поминальная оградка в долине р. Юстыда. Российский Алтай.

Рис. 20. Мемориал двух знатных тюркских воинов в долине р. Аюты. Российский Алтай.

на определенную этническую принадлежность “владельцев” поминальных сооружений...» [1986, с. 88]. Мы различаем в “ромбической сетке” рисунок терме – решетку юрты. Другие орнаменты на плитах “каменных ящиков” также сюжетно близки к рисункам, которыми декорируют двери монгольских юрт [Майдар, Дарьсурен, 1976, табл. 20, 37, 42, 49].

По мнению В.Е. Войтова, оградка с каменным заполнением и деревом в ней (см. рис. 19) была характерна для всех социальных групп населения Первого Тюркского каганата. Исследователь полагает, что в более позднее время «оградка сохраняется лишь в среде “кара будуна”, а на мемориальных ансамблях аристократии она трансформируется в четырехплитовые ящики» [Войтов, 1996, с. 118]. Возможно, такое заключение правомерно для поминальных памятников Центральной Монголии, но на Алтае (как Российском, так и Монгольском) “четыреплитовые ящики” = оградки из четырех массивных плит типичны для поминальных сооружений как рядовых кочевников, так и представителей тюркской элиты*. Они не являются отражением социальных различий тюркского населения Алтая. В тех и других наличие деревьев или столбов** свидетельствует о едином мировоззрении алтайских тюрков, а также о длительном параллельном развитии двух различных традиций, двух типов поминальных сооружений: юстыдского и аютинского.

Главными определяющими признаками, позволяющими выделить из большой массы алтайских огра-

* Некоторые ученые называют поминальные сооружения тюркской кочевой знати “саркофагами” [Худяков, 1985, с. 175 – 177], хотя многие исследователи давно отказались от этого устаревшего, заведомо дезориентирующего термина, не соответствующего функциональному назначению памятников. Мнение о том, что “саркофаги распространены исключительно в Монголии” [Там же, с. 182], также следует считать ошибочным.

** Остатки стволов деревьев или столбов найдены в каменном “ящике”, раскопанном В.В. Волковым в Шан-Тэн-гэрин-тал [1981б, с. 26]. Они также зафиксированы в четырех плитовых “ящиках” комплекса Дадга-Хушот [Худяков, 1985, с. 177 – 178, рис. 11, 12], известного еще под одним названием – Худуу-Нур [Войтов, 1996, с. 49, рис. 31, 32]. Такое сочетание главных элементов – каменный ящик из четырех плит + дерево + керамика – в Дадга-Хушот имеет прямую культурно-хронологическую связь с алтайскими оградками юстыдского типа: четыре массивные плиты в виде ящика + дерево + жертвенные сосуды из керамики и металла. Усиливает сходство конструкция одной из алтайских оградок юстыдского типа, раскопанной нами в степи Макажан [Кубарев В.Д., 1984, с. 209, табл. XXX]. С восточной стороны ее стояло изваяние с керамическим сосудом у основания фигуры, а весь комплекс, окруженный валом и рвом, в целом напоминает подобные мемориальные сооружения Монголии [Войтов, 1996, с. 27 – 60].

док сооружения знати, являются вал и ров вокруг оградок (см. рис. 17, 20), а также более реалистические (как правило, с воинскими атрибутами) изваяния. Но следует заметить, что отдельные алтайские изваяния, выполненные с большой тщательностью и мастерством (“Кезер” в Курайской степи, изваяния в Кеме-Кечу в долине р. Аргута и др.), стояли у обычных оградок яконурского типа, а вал и ров на этих памятниках отсутствовали. Из 11 мемориалов тюркской знати, открытых на Российском Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 51 – 55; Савинов, 1994, с. 151 – 152], в пяти комплексах находилось по две оградки, окруженные одним общим валом и рвом (см., например, рис. 20). В соседней Монголии также известно пять аналогичных по конструкции мемориалов [Войтов, 1996, с. 49]. Вывод Ю.С. Худякова о том, что “наличие... наряду с одинарными, двойных оградок пока не может быть убедительно объяснено” [1985, с. 181], представляется нам излишне пессимистичным. Достаточно большое число парных оградок на Алтае и в Монголии, представляющих собой единый одно-временный комплекс, свидетельствует не об “отступлении от канона” [Худяков, 1985, с. 181], а о достаточно распространенном обычае древних тюрков устанавливать парные изваяния мужчин-воинов. Подобные мемориалы, особенно хорошо сохранившиеся в горах Российского Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 51 – 52, 55; с. 198, изв. 114, 115, с. 212, изв. 198, 199], были призваны восхвалять ратные подвиги выдающихся представителей древнетюркской знати и дружинной верхушки. Возможно, парные изваяния изображали двух соправителей (*шада-сада*), одновременно выполнявших функции военных предводителей. Их погребения, исследованные на Алтае, резко выделяются на фоне массовых древнетюркских курганов рядовых кочевников. Во-первых, большими размерами каменных насыпей, во-вторых, большим числом захоронений лошадей (до четырех) с одним человеком, в-третьих, многочисленными дорогими предметами, оружием и доспехами, помещенными в могилы [Кубарев В.Д., 1987; Кубарев Г.В., 1991; 1997, с. 16; Kubarev G.V., 1997]. Как и парные поминальные оградки с изваяниями двух знатных тюрков (выполненными, вероятно, одним мастером), курганы дружинной аристократии сооружались парами и, очевидно, одновременно. Об этом говорит идентичность всех черт погребальной обрядности и сходный набор богатого инвентаря. В древнетюркском обществе с его родоплеменным делением существовал и параллельный обычай символических парных захоронений знатных воинов (побратимов?) в одной общей могиле-кенотафе [Савинов, 1987, с. 80] или в отдельно возведенных, но рядом расположенных больших курганах [Кубарев В.Д., 1985, с. 138].

Четыре поминальных сооружения представителей тюркской дружинной аристократии в последние годы открыты на территории Монгольского Алтая [Кубарев В.Д., 1995; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 1995, с. 324, 1998, с. 261 – 262]. Особый интерес вызывают повествовательные сцены, выполненные на плитах этих мемориалов и даже на самих изваяниях (см. рис. 15, 16). Конструктивные характеристики поминальных сооружений по всем параметрам особенно близки синхронным памятникам Российского Алтая и Тывы. Эти монгольские мемориалы заполняют еще одну лакуну, устраняя разрыв в цепочке мемориальных памятников от центральных районов Монголии до западной окраины древнетюркского мира.

Исходя из вышеприведенных наблюдений авторов и фактических данных, нельзя согласиться с выводом (к тому же неаргументированным) Б.Б. Овчинниковой о том, что «поминальные оградки тюрков и “орхонские храмы” являются... поминальными сооружениями, не имевшими между собой ничего общего» (выделено нами. – Авт.) [1998, с. 208]. Сравнительный анализ планиграфии, а также корреляция составных частей ритуальной архитектуры орхонских комплексов и рядовых оградок показали их полное тождество [Кубарев В.Д., 1984, с. 59 – 63]. “Четыре памятника у Цайдамских озер служат эталоном, по которому можно сверять все остальные тюркские поминальные сооружения. Их планировка на местности, по существу, не отличается от большинства рядовых каменных оградок” [Войтов, 1985, с. 131]. К такому же выводу – о функциональном единстве азиатских поминальных оградок и орхонских мемориалов – пришли и другие ученые [Грач, 1955, 1961; Кызласов, 1964, 1969; Шер, 1964, 1966; Новгородова, 1981; Кляшторный, Савинов, 1994; Юматов, 1998; и др.].

“Памятный столб”, дерево, модель жилища

Ни один исследователь поминальных мемориалов древних тюрков не мог вразумительно объяснить, почему остатки многих “памятных столбов” (упоминаемых в китайских хрониках) обуглены в верхней части. Зачем они (если это были столбы) поджигались? И чем “памятный столб” отличается от обычных столбов, установленных по углам оградок, или вкопанного в центре? На сей счет у Ю.С. Худякова своя оригинальная точка зрения. Он полагает, что в ямках, обнаруженных в центре оградок, стояли “памятные столбы” [Худяков, 1985, с. 180] или “обрубки стволов деревьев” [Худяков, Ким, 1999, с. 29]. Ю.С. Худяков и С.А. Ким отвергают предложенные Л.Р. Кызласовым и В.Д. Кубаревым реконструкции, основанные на археолого-этнографических материалах* [Там же, с. 28 – 29]. Однако Ю.С. Худяков все же считает возможным предположить, что «более необходимой ча-

стью ритуала являлось сооружение “здания при могиле”, если под ним подразумевать саму оградку...» [1985, с. 179]. Чем же “оградка-здание” отличается от подразумеваемой нами “оградки-жилища”, графическую реконструкцию которой Ю.С. Худяков и С.А. Ким называют “срубной избушкой с четырехскатной крышей” [Худяков, Ким, 1999, с. 29], а В.А. Могильников – “срубной постройкой” [1992, с. 192]?

Еще совсем недавно Ю.С. Худяков писал: «Сооружение памятного деревянного столба, возможно, было

* В наших рисунках, воспроизводящих общий вид наземных поминальных сооружений древних тюрков, были использованы исключительно новые археологические данные, полученные одним из авторов в результате комплексного исследования более 50 оградок Алтая. Для гипотетического восстановления всех циклов поминальной обрядности тюрков были привлечены также этнографические материалы по религиозно-мифологическим представлениям тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Расхождение в отдельных деталях двух реконструкций, опубликованных в разные годы [Кубарев В.Д., 1978, с. 96, рис. 9; 1984, с. 80, рис. 16; 1997, с. 26, 33], было обусловлено различными конструктивными особенностями алтайских поминальных сооружений, возможно, связанных с двумя этносами – теле и тугю. Такое же различие в типах погребально-поминальных памятников сохранилось на Алтае до настоящего времени: небольшие срубы над могилами теленгитов [Тошчакова, 1978, с. 131, рис. 20] и каркасно-столбовые навесы с шестами над могилами казахов [Коновалов, 1983, с. 117]. Предложенные варианты реконструкции древнетюркского поминального обряда являются версией, не претендующей на полное объяснение семантики тюркских оградок и последовательности ритуальных действий, совершавшихся в них. По-видимому, все стороны шаманистского в своей основе ритуала, по крайней мере его виртуальная часть, никогда не будут раскрыты до конца. Возможности археологии в этой области остаются весьма ограниченными.

Достоверность нашей последней реконструкции неожиданно подтвердилась при изучении поздне-тюркских поминальных комплексов на Южном Урале. Из шести оградок с изваяниями в двух обнаружены неглубокие ямки по периметру плитового ограждения, а также ямы в центре сооружений. В их заполнении найдены остатки обугленных столбов или шестов. Особенно необычной по конструкции оказалась одна из оградок. Ее очертания прослеживаются на материковом грунте по полосам обугленного дерева (шириной до 8 см и толщиной до 5 см). Они “фиксировались как остатки квадратного (2,2 г 2,2 м)... сруба, сложенного из брусьев и помещенного в специально подготовленное... углубление” [Костюков, 1994, с. 145 – 147, рис. 3]. По мнению автора раскопок, в пользу нашей трактовки тюркских оградок как моделей зимних жилищ кочевников получены дополнительные материалы: обугленные столбы, остатки сгоревшего деревянного сруба – “все это свидетельствует о наличии первоначально объемных деревянных конструкций” [Там же, с. 156]. Исследованные жертвенно-поминальные комплексы Кошкарбая, Каменного Амбара и Аксака на Южном Урале наиболее близки алтайским мемориальным памятникам Узунтала и Юстыда [Боталов, 1996, с. 225; Бабенков, 1996, с. 248].

связано с представлениями о “мировом дереве”. Видимо поэтому в некоторых алтайских оградках сохранились столбы с остатками корневой системы» [1985, с. 180]. Наверное, только недавними исследованиями и находками в Тыве можно объяснить, почему ученый изменил свой взгляд на один из главных элементов в конструкции тюркских оградок. Новые данные, по мнению Ю.С. Худякова и С.А. Ким, “существенно дополняющие известные материалы по поминальной обрядности древних тюрков” [1999, с. 29], получены в результате изучения трех оградок на могильнике Алкаак. Принципиально важным для реконструкции поминального обряда древних тюрков исследователи считают факт нахождения в одной из оградок Алкаака “обрубка ствола дерева корнями вверх” и на этом основании делают категоричный вывод: “...никаких деревьев с развесистой кроной в древнетюркских оградках не было, и быть не могло. По-видимому, обрубки стволов деревьев... устанавливались внутри ямок в процессе поминального обряда до сооружения насыпи и не были предназначены для того, чтобы выситься над поверхностью земли” [Там же]. Но подобное объяснение не отвечает на вопрос: для чего в ямках оградок Алкаака помещались “обрубки стволов деревьев”?

Совершенно очевидным и закономерным представляется нахождение остатков столбов деревянных построек, бывших некогда над отдельными оградками в Монголии, Тыве и на Алтае, как впрочем, и остатков стволов лиственниц с корневищами (оградки Дьер-Тебе и Алкаака), которые сохранились в земле. Наверное, нет необходимости объяснять и доказывать очевидную истину. Ведь со времени возведения древнетюркских мемориалов прошло более 1000 лет, а такой срок едва ли выдержит любая деревянная постройка. И тем не менее прецеденты хорошей сохранности над современной поверхностью остатков столбов и стволов деревьев в древнетюркских оградках известны на Алтае. Уже 20 лет назад такие случаи зафиксированы нами в российской части Алтая, в Чуйской степи: у сел Мухор-Тархата, Ортолык, Бельтыр и у пос. Чаган-Узун. Один из них – оградка с изваянием и балбалами в устье Чаган-Узуна. В центре ее обнаружен неошкуренный ствол лиственницы, нижний конец которого был заострен и помещен в яму на глубину 1,2 м; верхняя часть, сильно обугленная, возвышалась над оградкой более чем на 1 м*. Еще три случая сохранения до наших дней остатков деревянных конструкций в тюркских оградках зафиксированы у с. Кокоря: “В центре одной из оградок (могильник Кызыл-Чин III) обнаружен торчащий обломок лиственничного бревна...” [Васютин, 1980, с. 195]; на холме Каман-Тон: снаружи оградки с изваянием, у ее северо-восточного угла, из земли торчала нижняя часть лиственничного столба [Кубарев В.Д.,

1984, с. 163]; на могильнике Котыр-Тас I: в оградке № 7 с одной стороны вместо плит ограждения найдено бревно [Суразаков, 1993, с. 50]. Подобный феномен объясняется суровыми климатическими условиями высокогорной Чуйской степи. Но даже в соседней Курайской степи, расположенной гораздо ниже, а также в бассейне Урсула в 14 оградках, раскопанных С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой, наблюдалась хорошая сохранность дерева. В центре исследованной ими оградки с известным изваянием “Кезер” (урочище Төтө) был обнаружен обугленный в верхней части “толстый обрубок дерева” диаметром 70 см [Киселев, 1951, с. 545]. Если обратить внимание на значительную толщину стволов деревьев (или столбов) и глубину ям (до 1 м и более), то можно прийти к выводу об установке достаточно больших деревьев или столбов.

В случае, несомненно уникальном, когда установщики мемориала на холме Дьер-Тебе оставили корни у деревьев, вкопанных в центре оград, логично предположить, что были сохранены и ветви на них. И совсем неважно, каким образом эти деревья были вкопаны: корнями вниз [Кубарев В.Д., 1979а, с. 96 – 98, рис. 9] или вверх [Худяков, Ким, 1999, с. 29], так как обе позиции являются символическим обозначением верхнего мира [Герасимова, 1989, с. 170 – 173]. Образ мирового дерева, растущего корнями вверх, был известен как в шаманской практике [Штернберг, 1936, с. 211; Анисимов, 1952, с. 198], так и во многих мировых религиях. Рисунки деревьев (корнями вверх или вниз) имеются на шаманских бубнах алтайцев и *төсөх* хакасов [Иванов, 1955, с. 168 – 169, рис. 1, 2, с. 221, рис. 21], их символика, как считает Л.Р. Кызласов, была уже известна в раннем средневековье [1990, с. 263, рис. 2].

В мировоззрении народов Южной Сибири Дерево – сакральный центр и космическая ось, связывающая воедино три мира [Львова и др., 1988, с. 32; Потапов, 1992, с. 539]. Дерево у многих народов связано также с мифологическими представлениями о жизни во всей ее полноте (дерево жизни) и противопоставлении смерти, гибели (дерево смерти) [Иванов, Топоров, 1991]. Идея зарождения и смерти у дерева,

* Крупный образец, отрезанный от ствола дерева из оградки в Чаган-Узуне, хранится в фондах ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Диаметр ствола 37 см, а подсчет годичных колец позволил И.Ю. Слюсаренко определить возраст дерева – приблизительно 350 лет. В Тыве в некоторых раскопанных оградках также сохранились “нижние части некогда стоявших здесь высоких, одиночных и впоследствии сожженных деревянных столбов” [Кызласов, 1969, с. 30]. В Восточном Казахстане в самом начале изучения поминальных оградок А.В. Адрианов нашел в одной из них “остатки обуглившегося нетолстого ствола лиственницы” [1916, с. 47].

например, воплощена в реальном обряде вторичного рождения императора киданей, который несколько раз обходил деревья, установленные корнями вверх, т.е. обращенными к небесному своду [Е Лун Ли, 1979, с. 524]. Она сохранилась и в традиционных погребально-поминальных циклах тюркоязычных народов Сибири: проводы умершего от родового дерева, захоронения праха шаманов в дупле, воздушные погребения на помосте среди ветвей деревьев и т.п. [Дьяконова, 1975, с. 67; Тошчакова, 1978, с. 129; Герасимова, 1989, с. 207; и др.]; а также прослеживается в верованиях и религиозных пережитках современных алтайцев [Кыпчакова, 1983; Чанчибаева, 1978].

Следует также согласиться с емким и точным определением С.И. Аджигалиева полисемантичности любого древнего объекта с вертикальной экспозицией: "...всякое сооружение (стела, пагода, мавзолей и т.п.) теоретически может впитывать в себя несколько семантик: мировое дерево, жертвенный столб, модель мира (жилища) и т.д." [1994, с. 113].

Таким образом, данные, приведенные Ю.С. Худяковым и С.А. Ким, якобы опровергающие гипотезу В.Д. Кубарева, не убеждают, и более того, находки в оградках Алкаака еще раз подтверждают правомерность его выводов и достоверность реконструкции поминального обряда древних тюрков Алтая.

Балбалы: символы убитых врагов или коновязные столбы?

Более 20 лет назад В.Д. Кубаревым впервые была предложена нетрадиционная интерпретация пазырыкских и тюркских балбалов [1979а, с. 93 – 96, 1984, с. 66 – 69, рис. 16, 1997, с. 21 – 25], которую многие исследователи не приняли [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 122; Войтов, 1996, с. 85; и др.]. Но многие другие археологи фактически поддержали гипотезу своими открытиями и новыми исследованиями, тем самым подтвердив ее право на существование [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 24; Шульга, 1989, с. 42; Ольховский, 1989, с. 59; Ермоленко, 1991, с. 168; Аджигалиев, 1994, с. 138 – 143; Овчинникова, 1998, с. 208; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58; Вадецкая, 1999, с. 16; и др.].

Несколько позже С.С. Сорокиным, независимо от наших выводов, сначала в тезисной форме, а затем и в обширной статье была изложена близкая точка зрения на семантику "внекурганых", в том числе и монументальных, памятников [1979, с. 115; 1981]. При этом важно заметить, что С.С. Сорокин, ссылаясь на малоизвестную публикацию П.П. Хороших [1972] в монгольском археологическом журнале, был солидарен с ним в объяснении назначения рядов оленных камней, трактуемых как *сэргэ* – коновязные столбы. Итак, по мнению С.С. Сорокина, оленные камни мог-

ли служить коновязями [1979, с. 115]. Непонятно только, почему он считал, что такой же точки зрения (оленные камни = *сэргэ*) придерживается и В.Д. Кубарев [Сорокин, 1981, с. 39, сн. 44]. Не обратив внимания на эту неточность, В.Е. Войтов отнес В.Д. Кубарева в числе других сибирских археологов к отряду исследователей, развивших гипотезу, предложенную П.П. Хороших и С.С. Сорокиным [Войтов, 1986, с. 85]. В связи с таким недоразумением, наверное, следует еще раз напомнить коллегам взгляд В.Д. Кубарева на семантику оленных камней, в которых он видит изображения "особо почитаемых, героизированных предков" [1979, с. 86], но никак не коновязные столбы. С.С. Сорокин относил балбалы к объектам, не являющимся "единицами счета врагов, убитых лично погребенным. Скорее это памятники сопричастности, меты присутствия на поминальных торжествах родственников, соплеменников и даже иноплеменников" [1981, с. 37]. В следующей своей работе С.С. Сорокин уже как бы объединяет в одну группу все "внекурганые" памятники (стелы, оленные камни, ограды, изваяния, балбалы и др.), резюмируя: "...эти памятники сближаются с *сэргэ* во всем многообразии их семантики и главное в значении дома, домашнего очага" [1987, с. 16]. В результате своих рассуждений С.С. Сорокин ушел от конкретного определения функций неразрывных элементов единого поминального комплекса, придя к заключению, что они "имели отношение к деятельности людей, а не к погребальному или поминальному обряду" [Там же, с. 13]. Такой вывод явно алогичен, поскольку исследователь ставил перед собой задачу реконструировать первоначальный вид погребально-поминальных сооружений и связанные с ними идеологические представления древних и средневековых кочевников Центральной Азии.

В.Е. Войтов для обоснования и подтверждения общепринятой точки зрения о семантике рядов каменных балбалов у оградок и каганских мемориалов как символов убитых врагов приводит в качестве доказательства антропоморфность некоторых балбалов [1996, с. 87 – 88, рис. 50, 1, 2, 52, 53]. Но все они, несомненно, древнее тюркских изваяний и вторично установлены в ряду балбалов. Да и сам В.Е. Войтов констатирует: "Нередко в качестве антропоморфных балбалов использовались обломки оленных камней" [Там же, с. 86]. Поэтому непонятно, почему он, также как и А.Д. Грач* [1955, с. 429 – 430], многие из них (в том числе и стелы, напоминающие человеческую фигуру) называет "главными балбалами" [Войтов, 1996, с. 86 – 88]. Хотя уже давно доказано, что "главные балбалы или главные стелы" функцио-

* В сводной монографии о тюркских изваяниях Тывы А.Д. Грач уже изменил свой взгляд, полагая "что главные стелы... – это синонимы изваяний" [1961, с. 54 – 55].

нально идентичны тюркским изваяниям, установленным у восточной стороны оградок [Кызласов, 1969, с. 26; Кубарев В.Д., 1979а, с. 24 – 27, 1979б, с. 154; Худяков, 1985, с. 182; Плотников, Худяков, 1987, с. 195]. Если логично рассуждать и следовать предложенной В.Е. Войтовым терминологии, то “главный антропоморфный балбал”, замещающий изваяние, и есть тот самый “главный враг”, поставленный первым в ряду других балбалов – “рядовых вражеских воинов”. Но это уже другая гипотеза, согласно которой изваяние, стела или оленный камень представляли могущественного врага [Веселовский, 1915; Грач, 1955, с. 428 – 431; Альбаум, 1960; и др.]. Как известно, она стала главной концепцией А.Д. Грача и подробно изложена в его книге о древнетюркских изваяниях Тывы [1961]. Автор упорно отстаивал свою точку зрения, но научный спор закончился не в его пользу. Две рецензии на книгу А.Д. Грача подвели черту под дискуссией о назначении тюркских изваяний и балбалов, продолжавшейся более 100 лет [Кызласов, 1964; Шер, 1964]. Уже в то время Я.А. Шер писал, что отрывки из китайских хроник, “описывающие погребальный обряд у тюрков, смущали многих археологов, изучавших каменные изваяния. Не следует забывать, что все фрагменты текстов, где речь идет о балбалах, имеют до и после себя значительные лакуны, которые либо затрудняют смысловую реконструкцию текста, либо делают ее невозможной” [1964, с. 356].

Наше неприятие письменных источников, поясняющих назначение балбалов, и новая их интерпретация вызвали возражения В.Е. Войтова, считающего, что археологическими данными эту гипотезу подтвердить нельзя [1996, с. 85]. Не вступая в полемику по этому поводу, он принимает странные, на наш взгляд, объяснения древних китайцев назначения балбалов, находя перспективной дальнейшую научную разработку еще одного применения этих камней: в качестве подставки для “размещения остатков жертвенных животных” [Там же] (см. также: [Сорокин, 1981, с. 37]). Если понимать такое прочтение текста китайских летописей в буквальном смысле, то оказывается на балбалы (или “вехи” по китайским источникам), символизирующие убитых врагов (т.е. на их головы), еще ставились или вешались черепа лошадей и овец, принесенных в жертву умершему тюрку. Очевидно, некритичное следование китайским хроникам рождает и такие пассажи: “...черепа животных развешивались на балбалах” [Худяков, 1985, с. 180].

Л.Н. Гумилев при обследовании алтайских балбалов отметил две различные формы верхней части камней: “...островерхую и плоскую... тут оттенен важный этнографический признак – головной убор. Степняки и сейчас носят островерхий малахай, а алтайцы – плоскую круглую шапочку... когда тюркюты в VII в.

пришли на Алтай, то их врагами были, с одной стороны, аборигены-алтайцы, а с другой – степные племена, предки казахов. Очевидно, тюркюты в VII – IX вв. вели борьбу на оба фронта, что и отразилось в изображении балбалов. Если это справедливо, то мы можем отметить, что борьба со степью была более удачной, так как из 486 балбалов, изученных нами, 329 остроголовы, а 157 плоскоголовы” [1963, с. 261]. Предположение Л.Н. Гумилева, конечно, субъективно и вызвано желанием ученого видеть в балбале фигуру человека. Такое объяснение весьма импонирует и В.Е. Войтову, который (как мы уже выше писали) также различает в монгольских балбалах антропоморфные черты. Наши наблюдения на Алтае и в Монголии, где осмотрены сотни балбалов, показали, что большинство их действительно подбирались по форме и высоте: небольшие (высотой не более 0,5 м) необработанные камни, как правило, были четырехгранными или прямоугольными в сечении (рис. 21). Если рядом не было подходящих блоков, использовали удлинённые камни и даже валуны. Верхняя часть балбалов имеет самую разнообразную форму, что никак не ассоциируется с разной формой головных уборов.

Логично представить, что у изваяний, на которых показано оружие (палаш, сабля или кинжал), должны стоять балбалы = “враги”, убитые умершим. Но это не так. Например, на известном аютинском комплексе в Кош-Агачском районе Республики Алтай (см. рис. 20), где найдены два скульптурных изображения знатных тюркских воинов, балбалы (46 камней) имеются только у южного изваяния, у северного нет ни одного камня. В настоящее время на Российском Алтае авторам известно 286 изваяний. Если исключить смещенные с первоначальных мест, вывезенные в музеи и утраченные изваяния (104 экз.), то из оставшихся *in situ* 182 только 58 каменных фигур сопровождаются рядами балбалов. В их числе 15 изваяний, на которых показано оружие. Еще 20 каменных фигур вооруженных воинов, стоящих с восточной стороны алтайских оградок, не сопровождалась балбалами. Следовательно, балбалы чаще устанавливались у изваяний, на которых оружие не изображалось. А наши наблюдения показывают, что гораздо более многочисленны ряды балбалов, находящиеся рядом с необработанными стелами, заменяющими изваяния. Все это дает основание усомниться в трактовке балбалов как символов убитых врагов и фактически укрепляет нашу версию относительно назначения и использования их в качестве “вечных” коновязей*. В число новых ар-

* Развернутую аргументацию о балбалах-коновязях см.: [Кубарев В.Д., 1979а, с. 93 – 96; 1984, с. 66 – 69; 1997, с. 21 – 25; Кубарев В.Д., Ли Хон Джон, 1999, с. 74 – 83]. В.Д. Кубареву удалось моделировать предполагаемое рас-

гументов, подтверждающих нашу гипотезу, может быть, следует включить и наличие сквозного отверстия в верхней части балбала, который до сих пор стоит в ряду подобных каменных коновязей на могильнике Джолин I (долина р. Юстыда, Российский Алтай). Несомненно, этот камень (с отверстием естественного происхождения) был специально подобран и послужил вполне утилитарным целям – для привязывания повода или чумбура лошади во время проведения поминального обряда (рис. 22). Авторами также обследованы каменные коновязи, которые чаще всего находятся с южной стороны зимних жилищ монгольских казахов и тывинцев [Кубарев В.Д., 1997, с. 24; Кубарев В.Д., Ли Хон Джон, 1999, с. 76]. Возможно, отдельные каменные коновязи были установлены уже в III – II тыс. до н.э. и сохранились до наших дней. Они являлись неотъемлемой частью зимних стойбищ, защищенных горами от непогоды. В этих удачно выбранных местах строились деревянные жилища, со временем они разрушались, а вечные каменные *сэргэ* служили многим поколениям кочевников и продолжают эксплуатироваться в наши дни по прямому своему назначению – в качестве коновязей.

Семантика мемориальных памятников

Как известно, большинство ученых-тюркологов на основании письменных, этнографических и, что более важно, археологических источников давно пришли к выводу о поминальном характере рассматриваемых памятников. Предположение других исследователей о назначении древнетюркских оградок для захоронений по обряду трупосожжения не выдерживает критики. И не только потому, что оно не подкреплено результатами раскопок, но и из-за слабой аргументации авторов. Наряду с Л.П. Потаповым [1953, с. 18 – 19]

положение лошадей у балбалов во время проведения всенародного праздника “дня чабана”, проводившегося на древнем могильном поле урочища Джолин (Кош-Агачский район Республики Алтай). Около десятка лошадей, привязанных к цепочке древних балбалов, были сняты на слайды (рис. 22), которые затем демонстрировались на региональных конференциях. Подобная идея возникла в результате устной дискуссии автора с Л.Р. Кызласовым и И.Л. Кызласовым, которые утверждали, что лошади не могут разместиться у балбалов из-за небольшого расстояния между камнями.

Рис. 21. Древнетюркские поминальные оградки с рядами балбалов. Левый берег р. Чуи. Российский Алтай.

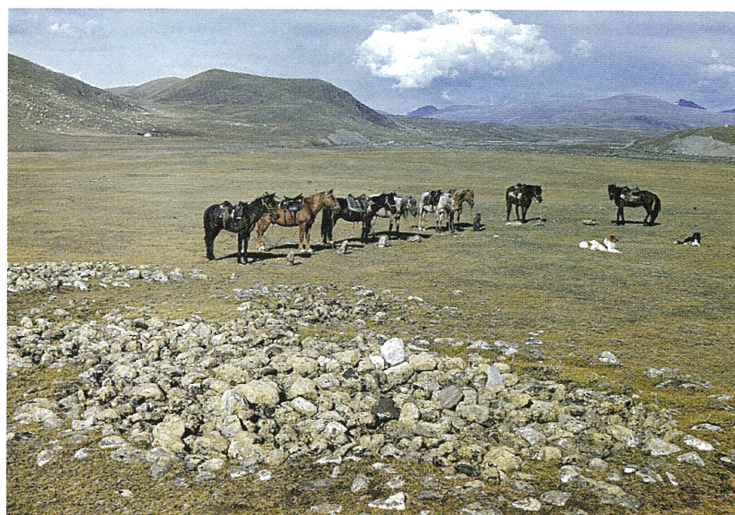

Рис. 22. Лошади у балбалов-коновязей. Моделирование одного из циклов поминальной обрядности древних тюрков. Урочище Джолин. Российский Алтай.

и Л.Н. Гумилевым [1959, с. 112] сторонником и прямым последователем этой концепции является А.С. Суразаков. Но возможно под влиянием наших критических замечаний [Кубарев В.Д., 1995, с. 158], он уже не столь категоричен в вопросе о назначении тюркских поминальных оградок. В одной из своих последних статей А.С. Суразаков, предлагает новое, теперь уже компромиссное решение проблемы, допуская, что “можно объединить две крайние точки зрения и определить древнетюркские оградки как памятники погребально-поминального назначения” [1993, с. 51].

В.А. Могильников, критикуя особое мнение Л.Н. Гумилева по поводу остатков кремированного праха в оградках, справедливо отметил, что оно

не подтверждается археологическими материалами [1981, с. 31 – 32]. Но уже в следующей публикации он все же не исключает возможности “использования какой-то небольшой части оградок для погребений...”, в конце концов констатируя: “...по своему назначению они остаются в большей мере загадкой для науки” [Могильников, 1992, с. 193]. Да, наверное, в настоящее время уже нельзя однозначно утверждать, что все древнетюркские оградки служили местами поминаения, являясь копией мемориальных храмов или символической моделью жилища древних тюрков. Об этом свидетельствуют некоторые новые наблюдения и размышления авторов, которые будут приведены в следующей публикации.

Выводы

Изучение древнетюркских мемориалов Монгольского Алтая позволяет утверждать, что они идентичны подобным же памятникам Российского Алтая. Так, все типы древнетюркских оградок, выделенные ранее для горноалтайских поминальных сооружений [Кубарев В.Д., 1984, с. 50], находят полное соответствие в монгольских материалах. Следует отметить стилистическое единство тюркских граффити на территориях Монгольского и Российского Алтая, а также наличие одних и тех же древнетюркских тамг, оставленных родственными семьями. По-видимому, естественная граница в виде высочайших гор Алтая не являлась непреодолимым препятствием для межэтнических и культурных контактов древнего населения двух регионов. Таким образом, представляется вполне очевидным, что географический Алтай был единой в культурном и этническом отношении провинцией древнетюркской ойкумены.

Заключение

Таковы вкратце итоги исследования, достижения и открытия за последние 20 лет в одной из интереснейших областей древнетюркской культуры: монументальном искусстве древних народов Центральной Азии.

Универсальность мировоззренческих концепций и многообразие культов тюркского населения Центральной Азии отражены в большом разнообразии конструкций поминальных сооружений, изучение которых необходимо продолжить в большем объеме. От дальнейшего проведения археологических раскопок мемориальных комплексов, интенсивно разрушающихся в наше время, во многом зависит решение проблем, связанных с их генезисом, хронологией и реконструкцией идеологических представлений древних тюрков.

Краткий реестр мемориальных памятников, обследованных Российско-Монголо-Американской экспедицией

В 5 км выше устья р. Хара-Ус, на правом берегу р. Цагаан-Ус (северное подножие горы Шивээт-Хайрихан, координаты: 49°07' с.ш., 88°15' в.д.) открыты три археологических комплекса, включающих керексуры, курганы скифского времени, стелы в оградках, поминальные древнетюркские оградки с изваяниями и без них. Наиболее интересен мемориал, представляющий собой меридиональный ряд из четырех оградок с четырьмя изваяниями и цепочками балбалов.

Изваяние 1 (южное) (см. рис. 3), 100 × 38 × 15 см. Использована плита сланцевой породы серого цвета*. Представляет собой реалистично выполненную скульптуру. Все детали в высоком рельефе. Четко проработаны черты лица (глаза, усы и рот – глубокой гравировкой), руки, сосуд, пояс. Поза канонична: в правой руке сосуд в виде кубка, левая на рукояти палаша. На поясе различимы прямоугольные бляхи, на правом боку изображена сумочка (огниво?). Показаны также разрез верхней одежды и небольшой головной убор. Изваяние стоит лицом на восток у оградки (3 × 3 м), которая заполнена валунами и сильно задернована. В 5 м на восток от него зафиксировано кольцо (диаметр 1,3 м), выложенное из девяти камней. В этом же направлении установлен ряд балбалов, насчитывающий более 20 камней, его протяженность 120 м.

Изваяние 4 (северное) (см. рис. 4), 80 × 35 × 15 см. Для изваяния подобрана плита сланцевой породы серого цвета. Представляет собой реалистичную и мастерски выполненную скульптуру. Голова выделена из монолита, обозначены плечи. Использована техника глубокой точечной выбивки, глаза и рот выполнены гравировкой. Правая рука поддерживает перед грудью сосуд в виде кубка с поддоном. Левая рука на рукояти сабли (?). На рельефном поясе различимы прямоугольные бляхи, к которым с левой стороны на двух портупейных ремнях подвешена сабля в ножнах. На правом боку фигуры – сумочка (огниво?). Изваяние стоит лицом на восток у оградки (3 × 3 м), заполненной сильно задернованными валунами. В 4 м на восток от него зафиксирована кольцевидная выкладка (диаметр 1,2 м), сооруженная из семи камней. В этом же направлении установлены в ряд три балбала.

Одинокое изваяние (см. рис. 5) в 11 км на запад от сомона Сагсай, у подножия невысоких гор. Выполнено на обкатанной сланцевой (?) плите желтого цвета, размером 135 × 44 × 23 см. Отличается от других

* Определение пород камня, использованных для изготовления изваяний, выполнено на кафедре Общей и региональной геологии НГУ доцентом В.А. Гавриловым.

тюркских изваяний изображением более крупного сосуда на поддоне, поддерживаемого двумя руками на уровне живота. Оградка возле изваяния или даже ее следы не прослежены. Опубликовано Д. Баяром и Д. Эрдэнэбаатаром [1999, изв. 44].

В долине р. Могой (правый приток р. Кобдо) среди прочих археологических объектов открыто шесть тюркских изваяний и более 100 поминальных оградок (координаты: 48° 43' с.ш., 88° 34' в.д.).

Изваяние 2 (см. рис. 6), 120 × 40 × 18 см. Выполнено на гранодиоритном блоке серого цвета. Голова с широким, монголоидного типа лицом слабо выделена из монолита – плечи слегка обозначены. Правая рука перед грудью, с небольшим кубком, левая на поясе, изображенном в виде рельефного валика. Изваяние стоит с восточной стороны оградки (3,1 × 3,4 м). В восточном направлении от него отходит ряд балбалов протяженностью 40 м, состоящий из пяти камней.

Изваяние 6 (см. рис. 13), 175 × 47 × 20 см. Изготовлено на плите мраморизованного известняка. Непропорционально большая (по отношению к туловищу) голова фигуры очень тщательно обработана. Показан головной убор в виде небольшой округлой шапочки. В высоком рельефе выполнены отвороты одежды (меховой воротник?). Менее отчетливо просматриваются руки, возможно из-за повреждений, нанесенных каменной фигуре. Рельефный пояс набран бляхами квадратной формы. Изваяние стоит с восточной стороны оградки (2,3 × 2,3 м) из сланцевых плит, заполненной белыми кварцитовыми валунами. На восток от изваяния ряд из девяти каменных столбиков-балбалов, его протяженность 50 м.

В местности Их-Тургний-Гол, напротив переправы-брода Сыргаль (48°33' с.ш., 88°25' в.д.) сотрудниками экспедиции обработана целая серия (5 экз.) тюркских изваяний хорошей сохранности.

Изваяние 1 (см. рис. 7), 89 × 42 × 12 см. Сделано из белого гранита. Представляет собой реалистическую и мастерски выполненную скульптуру. Голова сколота и была найдена рядом. Все детали в высоком рельефе. Четко проработаны черты лица, руки, сосуд, пояс. Поза каноническая: в правой руке сосуд, левая на поясе. На поясе показаны прямоугольные бляхи-оправы. Различима также деталь меховой (?) одежды – воротник. Изваяние установлено лицом на восток у оградки (3,2 × 3,2 м).

Изваяние 3 (см. рис. 8), 135 × 60 × 20 см. Материал – гранит порфировидный. Различимы руки, сосуд, пояс, сумочка (огниво?). Голова сколота и обнаружена неподалеку. Поза каноническая: в правой руке сосуд, левая на поясе. Показана также деталь одежды – воротник халата, запах халата глубокий, левая пола сверху. Изваяние установлено лицом на восток у оградки (5 × 5 м). Заполнение оградки – валуны и щебенка. Она подквадратной формы (10 × 10 м) и ок-

ружена валом (ширина 2 м) и рвом (ширина 2 м) (см. рис. 17). В юго-восточном направлении от оградки отходит ряд балбалов, насчитывающий 21 камень, его протяженность 150 м.

На небольшой реке Шар-Булак (вблизи северного берега оз. Хурган-Нуур) открыт поминальный комплекс (координаты: 48°39' с.ш., 88°37' в.д.). Включает: раннесредневековый мемориал тюркской знати и рядовые поминальные оградки. Особенно интересно большое по площади (19 × 12 м) сооружение на небольшой платформе, окруженное валом и рвом и имеющее в восточной части два выхода. Внутри него устроены три обычные поминальные оградки (4 × 4 м) с двумя разбитыми каменными изваяниями. На восток от мемориала цепочка (ориентированная по линии Ю – С) из 12 каменных колец и два ряда балбалов (39 и 43 камня, расстояние 150 м). Еще одно, хорошо сохранившееся, изваяние (под № 3) находится в 150 м к северу от описанного сооружения.

Изваяние 3 (см. рис. 9), 175 × 50 × 25 см. Достаточно реалистическая скульптура, выполненная на блоке мелкозернистого гранита белого цвета. Овальной формы голова выделена из монолита, обозначены плечи и руки. В правой руке, согнутой в локте, изображен кубок с высоким поддончиком. Левая рука на рельефном поясе, к которому на двух портупейных ремнях подвешена изогнутая сабля в ножнах (огнивающая левый бок фигуры). На правом боку сумочка (огниво?) “волютообразной” формы и продолговатый предмет (точильный брусок?). Изваяние стоит у восточной оградки (5 × 5 м), заполненной кварцитовыми валунами и мелкой галькой. На восток от фигуры в один ряд длиной 230 м поставлены 55 камней-балбалов.

На юго-западном берегу оз. Даян-Нуур (48°19' с.ш., 88°55' в.д.) обнаружен небольшой комплекс, состоящий из двух древнетюркских оградок. У восточной стороны одной из них установлена стела, у другой – каменное изваяние.

Изваяние 1 (см. рис. 10), 156 × 40 × 19 см. Реалистично и мастерски выполнено на плите мелкозернистой породы темно-серого цвета. Отчетливо, в высоком рельефе проработаны все детали. Выделены шея, плечи. Особой тщательностью обработки отличаются черты лица: глаза, нос, рот и т.д. Рельефно изображены уши, в которые вдеты серьги с жемчужными (?) подвесками, а также волосы, заплетенные в косу (?). На шее показано ожерелье с амулетом- трилистником. Пояс изображен в виде одной рельефной полосы. Сверху и снизу от него на обеих сторонах фигуры такие же полосы крест-накрест, а спереди слева и справа от них вертикальные полосы-“жгуты”. Изваяние установлено лицом на восток у едва различимой на поверхности каменной оградки (5 × 5 м). Опубликовано Г.Н. Потаниным [1881, с. 72 – 73, рис. 34].

Поминальный комплекс на южном берегу оз. Хурган-Нуур (48°32' с.ш., 88°27' в.д.) включает четыре изваяния и находится в 2–3 км на восток от описанных объектов в Их-Тургийн-Гол. Каменные скульптуры установлены у оградок, ориентированных по линии С–Ю (см. рис. 11). Все оградки сложены из плит, заполнение – валуны и белые кварцитовые гальки.

Изваяние 1 (южное) (см. рис. 12), 135 × 55 × 25 см. Выполнено на монолите крупнозернистой породы белого цвета с прожилками черного кварцита (гнейс двуслюдяной). Сломано в двух местах (шея и пояс). Представляет собой круглую скульптуру. Все детали в высоком рельефе. Поза каноническая: в правой руке сосуд, левая сжимает рукоять палаша. На изваянии различимы отвороты халата, а также головной убор в виде невысокой шапочки. На поясе изображены прямоугольные бляхи, на правом боку сумочка (огниво?).

В местности Арал-Толгой, на западном берегу оз. Хотон-Нуур (48° 44' с.ш., 88° 08' в.д.), в 1998 г. открыто небольшое, но, без сомнения, выдающееся местонахождение петроглифов. Изображения различных животных и птиц выполнены в основном на горизонтальных плоскостях невысокой горной гряды в архаичной контурной технике, сильно выветрены и патинизированы. Петроглифы Арал-Толгой, возможно, самые древнейшие на Монгольском Алтае. Комплекс включает несколько оленных камней, курганы древних кочевников и ряд тюркских оградок с двумя изваяниями.

Изваяние 2 (см. рис. 14), 85 × 40 × 18 см. Выполнено на массивной плите крупнозернистой породы белого цвета (гранит). Голова выделена из монолита (сейчас она сколота сильным ударом на одну треть), в правой руке чаша в виде пиалы, левая – на рукояти сабли или палаша (?), ниже рельефное изображение кинжала. Изваяние стоит у оградки (1,8 × 1,6 м) и ориентировано лицом на восток.

В долине р. Хар-Ямаатын (левый приток р. Их-Ойгур), на ее левом берегу обследован еще один мемориал тюркской знати (координаты: 49°23' с.ш., 88° 38' в.д.).

Изваяние (см. рис. 15), 135 × 45 × 14 см. Выполнено на плите слоистой сланцевой породы серого цвета. Верхняя часть головы сколота. Детали лица, руки, аксессуара и сцена в нижней части фигуры выполнены глубокой гравировкой и в низком рельефе. Изваяние установлено с восточной стороны оградки (4,4 × 4,6 м), сооруженной из 13 массивных плит, поставленных на ребро, заполненной мелкими камнями, среди которых много белых кварцитовых галек. Оградка с изваянием окружена валом (ширина 1,5 м) и рвом (ширина 1,5–2 м), почти квадратными в плане (18 × 19 м). На восток от сооружения отходит ряд балбалов (более 30 камней, расстояние 160 м), в конце поворачивающий на север.

Список литературы

Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. – Алматы: Гылым, 1994. – 260 с.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая // Изв. Имп. Арх. комиссии. – Пг: [Тип. Главного управления уделов], 1916. – Вып. 62. – 94 с.

Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых “балбалов” // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 95–100.

Анисимов А.Ф. Шаманский чум и проблема происхождения шаманского обряда // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – 1952. – Т. 18. – С. 198–238.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.

Бабенков К.Н. Жертвенно-поминальный комплекс “Аксак”: Возможные варианты реконструкции // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 245–250.

Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 210–244.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург, Востоковедение, 1999. – 438 с.

Васютин А.С. Разведка в бассейне Кокоря // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 195.

Васютин А.С., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С. 118–122.

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о “каменных бабах” или “балбалах” // Зап. Имп. Одесского об-ва истории и древностей. – Одесса, 1915. – Вып. 32. – С. 3–39.

Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 114–136.

Войтов В.Е. Древнетюркские памятники на Хануе // СА. – 1986. – № 4. – С. 74–89.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.

Волков В.В. Монгольская экспедиция // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981а. – С. 486–487.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981б. – 253 с.

Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск: Наука, 1989. – 320 с.

Грач А.Д. Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. – 1955. – Т. 16. – С. 401–431.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.

Григорьев Ф.П., Загородний А.С. Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Сохранение

и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 176 – 181.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-гути // СА. – 1959. – № 1. – С. 105 – 114.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Тов-во “Клышников и К”, 1993. – 526 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

Е Лун Ли. История государства киданей // Памятники письменности Востока. – М.: Наука, 1979. – Т. 35. – 600 с.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркская оградка, изваяние, балбалы как культовый комплекс // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 166 – 168.

Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. – 1955. – Т. 19. – С. 165 – 264.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Древо жизни // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 396 – 397.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987 – 1988 гг. // Изв. лаборатории археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – 1997. – № 2. – С. 93 – 103.

Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Ч. 1. – 231 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.

Кляшторный С.Г., Лившиц А.М. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Т. 10. – С. 121 – 146.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с.

Коновалов А.В. Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1983. – С. 112 – 122.

Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н.э. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 138 – 156.

Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 86 – 98.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 120 с.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979б. – С. 135 – 161.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 136 – 148.

Кубарев В.Д. Открытия в долине р. Урсул // Археологические открытия 1985 года. – М.: Ин-т археологии и этнографии РАН, 1987. – С. 250 – 251.

Кубарев В.Д. Изваяние с р. Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 158 – 162.

Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 136 – 139.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая: Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. – 184 с.

Кубарев В.Д., Ли Хон Джон. Поминальные памятники Алтая. – Сеул: Хакен, 1999. – 120 с.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаборатории археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – 1995. – № 1. – С. 149 – 163.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 48 – 56.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Исследования в Монголии // Археологические открытия 1994 года. – М.: Ин-т археологии и этнографии РАН, 1995. – С. 324 – 325.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 258 – 265.

Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвэндорж Д. По миграционным путям высокогорного Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 136 – 140.

Кубарев Г.В. Новые данные по древним тюркам Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: КГУ, 1991. – Т. 2. – С. 60 – 61.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – 18 с.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – 1999. – № 4. – С. 169 – 173.

Кызласов Л.Р. [Рецензия] // СА. – 1964. – № 1. – С. 349 – 355. – Рец. на кн.: Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 212 с.

Кызласов Л. Р. О шаманизме древнейших тюрков // СА. – 1990. – № 3. – С. 261 – 264.

Кыпчакова Л.В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 141 – 148.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 58 – 63.

Могильников В.А. Тюрки. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 28 – 43.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1992. – С. 175 – 212.

- Неверов С.В., Горбунов В.В.** Древнетюркские поминальные оградки средней Катунь // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 167 – 170.
- Новгородова Э.А.** Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник. 1977. – М.: – Наука, 1981. – С. 203 – 218.
- Овчинникова Б.Б.** Семантика древнетюркских оградок в Саяно-Алтае // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 206 – 210.
- Овчинникова Б.Б., Федорова С.С.** Поминальный обряд древних тюрков Саяно-Алтайского нагорья // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. – Уфа: УГУ, 1992. – С. 81 – 83.
- Ольховский В.С.** Оленные камни (к семантике образа) // СА. – 1989. – № 1. – С. 48 – 62.
- Плотников Ю.А., Худяков Ю.С.** Древнетюркские каменные изваяния в долине р. Торгалыг // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: АГУ, 1987. – С. 188 – 197.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
- Потапов Л.П.** Алтайские телесы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 53 – 71.
- Потапов Л.П.** Мифологии саяно-алтайских тюркоязычных народов // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 538 – 540.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 174 с.
- Савинов Д.Г.** Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 80 – 89.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Соёнов В.И., Эбель А.В.** Ритуальные сооружения могильника Мендур-Сокон I // Изв. лаборатории археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – 1997. – № 2. – С. 103 – 115.
- Сорокин С.С.** Семантика сэргэ (коновязей) и некоторых других памятников кочевого населения лесостепной Азии (к проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. – Омск: ОГУ, 1979. – С. 112 – 116.
- Сорокин С.С.** К вопросу о толковании внекурганных памятников // Археологические сообщения Гос. Эрмитажа. – 1981. – Вып. 22. – С. 23 – 39.
- Сорокин С.С.** О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – С. 7 – 17.
- Суразаков А.С.** О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 – 1982 гг. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 163 – 166.
- Суразаков А.С.** Исследования в местности Котыр-Тас // Алтайка. – 1993. – № 2. – С. 50 – 51.
- Суразаков А.С.** О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1996. – С. 7 – 10.
- Тоцакова Е.М.** Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.
- Хороших П.П.** Оленные камни Монголии и Бурятии // Монголын эртний туух соёлын зарим судлал. – 1972. – SA. – Т. 5. – С. 93 – 96.
- Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168 – 184.
- Худяков Ю.С., Ким С.А.** Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрков в Южной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 23 – 54.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.** Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111 – 115.
- Чанчибаева Л.** О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 90 – 103.
- Шер Я.А.** [Рецензия] // СА. – 1964. – № 1. – С. 355 – 357. – Рец. на кн.: Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Штернберг Л.Я.** Первобытная религия в свете этнографии. – Л.: Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 571 с.
- Шульга П.И.** К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово: КемГУ, 1989. – Ч. 2. – С. 41 – 44.
- Юматов К.В.** Отражение индоевропейской эпической формулы “неувядающей славы” в каменных изваяниях степей Евразии // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 211 – 214.
- Байр Д.** Монгол Сокинсань ёнгу (Изучение каменных изваяний монголов). – Сеул: Хван, 1994. – 234 с.
- Баяр Д.** Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Древнетюркские изваяния Центральной Монголии). – Улаанбаатар: ADMON, 1997. – 148 с.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.** Монгол Алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Туухийн Хүрээлэн, 1999. – 166 с.
- Бямбадорж Т. Амартушвин Ч.** Увс аймагинг нутаг дахь турэгийн уеийн зарим хун чулууд (Тюркские изваяния на территории Увсунурского аймака) // Археологийн судлал. 1998. – Т. 18. – С. 116 – 124.
- Ван Бо, Ци Сяошань.** Сычоу чжилу цаоюань шижэнь яньцзю (Изучение каменных изваяний степей Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян женьми, 1996. – 313 с.
- Майдар Д., Дарьсурен Л.** Гэр (Жилище). – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1976. – 180 с.

Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал (Историко-культурные памятники Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с.

Granö J.G. Von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwest-Mongolei im Jahre 1909 // Journal de la Societe Finno-ougrienne. – 1910. – N 28. – P. 1 – 59.

Kubarev G.V. Der Panzer eines alttürkischen Ritters aus Balyk-Sook // Eurasia Antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von

Zabern – Mainz am Rhein, 1997. – Bd 3. – S. 665 – 687.

Kubarev V.D., Zevendorz D. Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern – Mainz am Rhein, 1997. – Bd 2. – S. 571 – 580.

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 S.

Материал поступил в редколлегию 13.12.2000 г.

УДК 903.1.25:73/75

Ю.Н. Есин

*Кузбасский государственный технический университет
ул. Весенняя, 28, Кемерово, 650026, Россия
E-mail: esin@minus.krs.ru*

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОКУНЕВСКОГО ИСКУССТВА В ВИДЕ КРУГА ИЛИ КВАДРАТА С ЛУЧАМИ

Введение

Среди памятников искусства эпохи бронзы Южной Сибири широко известны изображения, связанные с окуневской археологической культурой II тыс. до н.э. Отдельную группу представляют окуневские изображения в виде круга или квадрата с лучами (рис. 1). Долгое время считалось, что эти рисунки символизируют солнце, поэтому за ними закрепилось название “солярные знаки”. Но верна ли подобная интерпретация? Рассмотрим наиболее аргументированные объяснения семантики изображений данной группы.

Э.Б. Вадецкая, обосновав принадлежность этих знаков к окуневскому искусству, подразделила их на два основных вида: круглые и квадратные. Различия в размерах и форме между рисунками на одном памятнике она объяснила неодновременностью их создания; причем с моментом сооружения памятников, на ее взгляд, устойчиво связан лишь знак, размещенный под антропоморфным ликом. Для выяснения семантики Э.Б. Вадецкая привлекает широкий круг аналогов из искусства древних и традиционных культур народов Сибири и делает предположение, что изображения данной группы связаны с солнечной символикой [1980, с. 65 – 67].

Н.В. Леонтьев отметил отсутствие рисунков в виде круга или квадрата с лучами на типологически ранних памятниках окуневского искусства. В структуре “солярного знака” он предложил выделять: 1) оболочку в виде круга с уголками; 2) кружок в центре, который иногда заменялся “солярным знаком” меньшего размера или личиной. Возможность замены кружка личиной Н.В. Леонтьев объясняет тем, что кружок является ее символом. Для обоснования того, что этот знак является символом солн-

ца, исследователь привел этнографические и археологические параллели [1978, с. 115 – 117].

Один из вариантов знака (рис. 2) анализировал А.П. Окладников. В структуре этого изображения он выделил круг и крест. Круг А.П. Окладников считал возможным трактовать как символ солнца, неба, вселенной, а крест – четырех сторон света. Но в целом окуневский знак он считал изображением солнца. Вертикальную композицию из трех знаков на изучавшемся им окуневском изваянии А.П. Окладников сопоставлял с трехчастной структурой всего памятника и связал с представлениями о трех мирах [1975, с. 62].

Интерпретация Л.Р. Кызласова построена на доводе, что “солнце в виде круга с четырьмя треугольными лучами изображали еще в древнем Вавилоне, а также в Месопотамии и Сирии, в Хеттском царстве, а позднее – у скифов”. Те же параллели отмечены исследователем и в искусстве народов Сибири. Разные варианты расположения знаков в изобразительной композиции изваяний он трактует как передачу представлений о суточном движении солнца по небу и подземному миру [Кызласов Л.Р., 1986, с. 209 – 210].

Известны и другие объяснения данной группы окуневских изображений: как более широкого астрально-го символа (планеты, звезды) (по большому числу и разнообразию таких знаков на некоторых изваяниях) [Хлобыстина, 1971а, с. 173; Худяков, 1996, с. 28], как радиальной схемы мира (четыре луча могут ассоциироваться с направлениями по сторонам света) [Подольский, 1987, с. 128], как булавы (на основе сравнения с реальным изделием, найденным на Кавказе) [Кубарев, 1987, с. 158], как “знака чакры” индо-тибетской эзотерической традиции [Мачинский, 1997, с. 273].